ЭКСПЕДИЦИЯ ВО МРАК
II ЧАСТЬ – ЛИЦОМ К ЛИЦУ С ПРОПАСТЬЮ

4. ПРАВИЛА ИГРЫ

3. САМИ СЕБЕ СПАСАТЕЛИ

Письмо от Резвана пришло... нет, не неожиданно. Я всегда жду Володькиных писем. В Адлере перекресток дорог, ведущих к пропастям Кавказа. Поэтому новости от Резвана всегда самые свежие.

Есть письма, которые вскрываешь на ходу – от них не ждешь ничего особенного, интересного, тонкого общения с заочным собеседником.

Другие приятно причитать в соответствующей обстановке, что называется, со вкусом. Так я читаю письма Резвана. Ну, что там на этот раз?

"Костя, привет. Исчез Саша Морозов – последний раз его 7 февраля видел Аркадий Иванов: он шел через Снежную, а тройка Саши должна была идти через Меженного, но, видимо, до входа они не дошли..."

Постой, постой...

Зимой 1985 года Морозов задумал траверс пещер Снежная и Меженного. Соединение между ними на глубине около –500 метров было открыто ленинградскими спелеологами Владимиром и Олегом Демченко...

"...тройка Саши должна была идти через Меженного, но, видимо, до входа они не дошли. "Спасработы" начались 8 марта..."

Глаза автоматически проскакивают строчки, не воспринимая смысла этих нелепых закорючек. Перечитываю еще раз, третий...

Я ничего не понимаю...

Ведь уже март. Март! Март!!!

"..."Спасработы" начались 8 марта. Прилетели из Москвы чиновники и наши: Усиков, Майлянц, Иванов – всего, с учетом сочинских спелеологов, человек 30. Усиков и Капрал спустились в Меженного до Райских ворот, где лежали модули для Саши – их никто не трогал, то есть в пещере ребята не были. Теперь выяснится все в июне-июле, после снеготаяния. В эту зиму снега выпало до восьми метров, то есть вдвое больше, чем обычно".

Я смотрю на письмо и чувствую, как где-то внутри меня рождается звенящая пустота.

* * *

"Последний раз группу Морозова видели в 800-х метрах от входа в Меженного. Однако, до входа группа не дошла. Она исчезла на белом плато со странным названием Хуп-Хулцва".

Что же случилось?

Как такое могло случиться?

Группа Морозова – одна из надежнейших групп Союза...

Это не спасательные работы – это не так должно называться. Ведь уже март, и надежды нет...

Нет? Надежда должна оставаться до конца, до самого последнего предела. Даже наперекор разуму.

И они искали. Искали те, кому не надо было объяснять правила Игры – общественники-спасатели, спелеологи Москвы, Адлера, Сочи. Преодолевая чудовищные тормоза бюрократии советов по туризму и штатных туристских контрольно-спасательных служб.

Была такая служба в бывшем СССР. Более 110 спасательных отрядов, свыше 500 штатных спасателей были раскиданы по всей огромной стране. Не много, но и не мало, если бы эта служба действительно выполняла все то, чему была предназначена. Как бы там ни было, но, отправляясь в горы, люди верили, надеялись: если что – их спасут, окажут помощь.

Наивные! Как мало надо было знать о контрольно-спасательной службе, чтобы всерьез рассчитывать на ее помощь. Слабо снаряженные, рассчитывающие, главным образом, на общественников, туристские спасательные службы были ориентированы на оказание помощи заявленным, зарегистрированным в установленном порядке туристам.

"Диких" спасать не обязаны...

Пусть поймут меня те штатные работники ушедших уже в Лету КСС, кто начинал спасработы на свой страх и риск, не дожидаясь писем и телеграмм, гарантирующих финансирование. Они рисковали, движимые безусловным пониманием правил Игры.

Речь не о них.

На таких людях держится Дело Спасения во все времена – они боролись с обстоятельствами и делали, что могли.

И то, что не могли, тоже делали.

Но были другие. (И есть!)

6 марта в Сочинскую КСС поступил сигнал о несчастье на Бзыби. В район спасатели вылетели только 9-го!

Вдумайтесь.

Да, прошел месяц, как ребята пропали. Но пока нет доказательств гибели – есть и надежда. Есть! И нужно использовать любой, даже безумный с точки зрения банальной логики, шанс.

И только тогда сможешь сказать: "Мы сделали все, что могли".

Только тогда сможешь уважать себя, смотреть в глаза людям прямо.

* * *

Вспомнился случай, опубликованный в "Бритиш Кейвер" летом 1985 года.

"Эта история началась 29 сентября 1984 года, когда студент-энтомолог Петер Верхульзел с двумя приятелями (все опытные легководолазы) во время спелеоподводной экспедиции зашли в пещеры Штеркфонтейн близ Крюгерсдорпа (ЮАР).

После прохождения вглубь лабиринта ходов и затопленных полостей стремление пройти дальше побудило Петера отвязаться от веревки, соединяющей его с товарищами. Вскоре он всплыл, открыв неизвестную прежде полость. Предполагается, что из-за мутной воды Петер потерял ориентацию и сел на островок в этой полузатопленной полости, надеясь на спасение. Здесь он бродил вдоль хода до тупикового конца, что видно по обнаруженным позже следам.

Когда Петер исчез, его друзья подняли тревогу. Подводниками из полиции была предпринята спасательная акция, прекращенная через два дня из-за плохой видимости и предположения, что Петер застрял и утонул.

Поиски его тела продолжались каждые выходные, но были безрезультатны, пока в ноябре команда подводников, расширившая одну из дыр с тягой воздуха, не пересекла в новой галерее следы, ведущие к телу. Вновь открытая зона представляет собой неизвестный доселе лабиринт ходов и озер за стеной озера Штеркфонтейн.

Сразу же стало ясно, что Петер продержался здесь около трех недель, изредка постукивая по стене, хотя она и была покрыта доломитовой крошкой и поглощала любой производимый им звук. Петер аккуратно сложил в кучу свое снаряжение и

написал рядом фразу: "Я люблю вас, Шерл (жена, с которой он прожил всего три месяца), мама и папа". За три недели Петер сильно оброс и похудел, потеряв около 20 кг веса. Очевидно, что он умер от истощения или переохлаждения.

Отец Петера обвинил полицию в том, что она слишком рано закончила поиски, считая, что пострадавший утонул".

Искать надо даже тогда, когда, казалось бы, уже нет никакой надежды...

* * *

Их палатка вытаяла только поздней весной. По скупым штрихам, скудным подробностям, сохранившимся с тех дней, можно попытаться восстановить последовательность событий. Все получилось до нелепости просто и страшно.

В тот день, 7 февраля 1985 года, на Бзыби было достаточно тепло, и на плато пал туман.

Здесь, на Хуп-Хулцве – помните? – расходятся две тропы: влево – на Меженного, вправо – к Снежной. Группы Саши и Аркадия Иванова прощались здесь всего на несколько дней: они должны были спуститься в разные входы пещерной системы и через неделю встретиться у колодца Катаклизм в Анфиладе на соединении некогда независимых пещер Снежной и Меженного. Группа Аркадия ушла к Снежной, Морозов и два Алексея: Кореневский и Преображенский – молодые спелеологи из Москвы, продолжали заброску, перетаскивая челноками экспедиционный груз ко входу в Меженного.

В последнюю ходку группа Морозова отправилась уже на исходе туманного дня. То ли туман, сумерки и непрекращающийся снегопад, то ли усталость – что-то заставило Морозова сбиться с пути. Пути, который Морозов, казалось, должен был бы найти с закрытыми глазами.

Группа не дошла до своей временной базы буквально несколько десятков шагов и в кромешной тьме решила встать на ночевку. Тем более, что бивачное снаряжение было под рукой.

Пробившись сквозь коварно мягкую кавказскую погоду, группа Иванова благополучно добралась до входа в Снежную и сходу ушла под землю. Как хорошо в пещере после ненастного зимнего Кавказа! Группа продолжала работу и ровно в условленное время подошла к колодцу Катаклизм.

Морозова не было.

Не было его и на следующий день, и через неделю.

Идти навстречу Морозову через Меженного Аркадий Иванов не мог – на отвесах не было снаряжения, которое должна была навесить группа Морозова.

Поэтому они решили возвращаться.

На поверхности, первым делом, кинулись ко входу в Меженного. И когда увидели, что группа Морозова в пещере так и не была, поняли, что случилось что-то непоправимое.

Но шанс был! Ведь никто не видел ребят мертвыми. Значит, они могут быть живыми. Они должны быть живы! Ведь это Морозов.

И Аркадий ринулся за помощью. Позвонил в Москву, в КСС...

... Они поставили палатку на чуть покатом склоне где-то на подъеме – не видно было, все вокруг застилали туман, снег и темень. С комфортом расположились на ночлег, забравшись в спальные мешки, чтобы завтра поутру сориентироваться и продолжить работу.

Ночью на палатку Морозова сошел оползень. Небольшая снежная доска съехала по невероятно пологому снежному склону. Лавина на таком склоне – абсурд. Но она сошла. Все трое были похоронены в снегу и не смогли выбраться.

Их искали. Не единожды поднимались в горы поисковые команды, но отступали ни с чем. Попробуй, пробуравь лавинными зондами такое плато!

Как потом выяснилось – проходили совсем рядом. Будь у морозовской группы элементарный радиомаяк, нашли бы сразу. Но...

Ни радиомаяков, ни радиостанций у нас, спелеологов, не было.

Не было их и у многочисленных туристов, ежегодно плативших страшную дань лавинам в горных районах бывшего СССР.

Что изменилось с тех времен?

* * *

Незаметно летят дни, с каждым годом все быстрее. Все больше лет отделяет нас от того страшного дня.

В народе говорят: "Кто старое помянет – тому глаз вон!" Мы хорошо помним первую половину этой пословицы.

Но вспомним и вторую: "А кто забудет – тому два!"

Я бережно храню пожелтевшие листы того октябрьского, 85-го года, "Собеседника" (*186), строчки, которые не укладываются в сознании, сколько бы лет ни прошло...

"К пещере спасатели вылетели только девятого. В горах провели всего трое суток, непосредственно поисками занимались всего 8 часов. Прибывшие представители Центрального совета поиски прекратили – лавинная опасность. Несколько дней друзья Морозова в Москве добивались разрешения снова начать спасработы. Добились. Прилетели в Сочи. Оказалось, что решение сюда еще не дошло! Начальник контрольно-спасательного отряда выдать продовольствие отказался. И еще три дня продолжалась морока..."

Подумайте, представьте.

Три дня бюрократической мороки, когда в горах гибнет ваш сын или муж!

"...Когда же их все-таки пустили, то первые двое суток спасатели находились в лавиноопасной зоне без связи, без рации. Рацию Сочинский КСО не выдал по той причине, что Центральный совет, тот самый, работники которого признали район лавиноопасным, не позаботились дать соответствующих указаний".

Годом позже описываемых событий я присутствовал на семинаре руководителей походов со школьниками в Подмосковье.

В один из дней к нам на турбазу "Зеленый бор" приезжает представитель Центрального совета по туризму и экскурсиям ответственный за безопасность туристских путешествий Юрий Худоклинов.

И вот я сижу на лекции по безопасности проведения походов со школьниками и, мертвея, слушаю Худоклинова. А тот с чиновничьим апломбом посмеивается из-за кафедры, бросая в непросвещенную учительскую аудиторию впечатления от тех спасательных работ на Бзыби.

"Представляете, эти спелеологи, они придумали искать в лавине в аквалангах! Мы им говорим – вы еще ласты бы надели!"

И разводит руками, апеллируя к доверчивым слушателям – вот де, какие неучи-профаны ходят по нашим горам! Вот де, кого приходится спасать. А еще, мол, права качают, возмущаются чего-то!

А я с трудом сдерживал себя, чтобы не устроить скандал, не швырнуть в эту чиновничью физиономию что-нибудь, потяжелее слов...

Эх, Юра, Юра, ведь говорят, ты тоже ходил в горы, как же ты можешь?..

Сдержался, не устроил, смолчал, и несу этот стыд по сей день.

Осторожность, вежливость, тактичность и воспитанность – не пахнут ли они, порой, трусостью?

Да, возможно, не все "профаны-спелеологи" верно представляли себе, как вести поиски в лавине. Кстати, утвержденными ЦС программами спелеотуристской подготовки лекции на эту тему даже не предусмотрены. Нет в них и многого другого, что входит в подготовку туристов других видов путешествий.

Что ж с того? Парни шли, рвались в горы на помощь.

Потому что так понимали правила Игры.

Потому что хотели верить: если когда-нибудь случится и с ними, другие также не станут отсиживаться по теплым углам.

А вы, с вашими креслами и портфелями, иные и сами из нашей среды - чиновники от туризма - что делали вы, "худоклиновы"?

И что бы вы сделали, если бы вас не заставляли шевелиться мы - вот эти "неучи", для служения которым и созданы ваши кресла и портфели?

Потому мы вам так и ненавистны, что беспокоим, отвлекаем от личных дел. Заставляем принимать решения и брать на себя ответственность, то есть честно отрабатывать свою зарплату.

Мы с вами никогда не поймем друг друга, потому что у нас разные правила Игры.

Да и игры разные.

И мы никогда не добьемся Дела, если не сломаем эту страшную машину "ничегонеделания" на государственную зарплату.

Увы.

И еще.

Неужели каждый из нас готов измениться "до наоборот", стоит дать нам кресло, портфель и зарплату?

* * *

Трагедия на плато Хуп-Хулцва взволновала многих.

На работе подходили сослуживцы:

- Там опять про ваших в газете писали. Погиб кто-то. Вы их знали?
- Да, да, знал...
- Как же это возможно - пропали в феврале, а поиски - через месяц?
- Возможно. У нас все возможно...
- Безобразие!
- А каково родителям?
- Вы, как камикадзе какие-то...

Когда улетал в очередную экспедицию на Кавказ, беспокоились, любопытствовали:

- Туда, где эти ребята?... Поосторожнее там!
- Нет, мы не туда, у нас все просто... Да и снега сейчас нет.
- А если что? Спасатели там есть?
- Ну, разве об этом говорят! Есть, все там есть. Мы сами себе - спасатели...

Мы - сами себе спасатели. В этом суть всей нашей жизни.

И не только в горах.

* * *

Мы во Враце, смотрим видеофильмы французских спасателей.

И приходится опираться подбородком на кулак, чтобы не отвисала челюсть.

А сердце болит, ноет от бессильной белой зависти. Они молодцы, эти французские парни, они такие же, как мы, просто им повезло жить в другой стране - их государство оказалось более внимательным к своим гражданам.

Да разве только французы понимают, как должна быть организована служба спасения?

Враца. Международная школа по спасению в пещерах.

Один за другим выступают лекторы из разных стран. Обсуждаются какие-то "странные" проблемы. Например, вопросы международного урегулирования спасательных акций на территориях других и третьих стран.

...Я чувствую себя плохо. Мне стыдно за свою страну. Пока еще стыдно. Потому что, наверно, я все еще что-то в ней люблю.

Пройдет несколько лет, и я пойму, что больше не могу любить страну, в которой живу.

Я люблю эту землю – горы, леса и пещеры, я люблю своих родных и друзей.

Но я больше не верю государству, которое всю мою жизнь не считало меня Человеком, обирало и обирает меня, обманывает и эксплуатирует, при этом совершенно не нуждаясь в моих способностях, моем опыте и умениях – в том, что я готов отдать ему практически даром.

Что ему с того, что я знаю, как организовать работу спасательной службы целого региона, что умею оказать помощь человеку в самых различных ситуациях, что могу обучить этому других, что...

Что говорить? Мои умения нужны отдельным конкретным людям, попавшим в беду, но никак не паразитической надстройке, присвоившей право решать от имени этих отдельных людей.

Имя этой надстройке – Государство.

Неважно как его называть.

Отличительная его черта – этого ненавистного мне государства – безразличие к своим гражданам.

Я не верю ему и не люблю его.

И это мое несчастье.

* * *

Мир уже давно идет по пути консолидации, тем более, в вопросах спасения.

В феврале 80-го года бельгийская экспедиция приходит на помощь полякам, терпящим бедствие в мексиканской пропасти Сотано дель Агустин. Это можно сравнить с помощью нашей казахстанской команде со стороны узбекских спелеологов в Киевской.

Спелеологи Соединенных Штатов постоянно осуществляют спасательный акции в мексиканских пропастях, год от года становящихся все сложнее и глубже. Это только отдельные примеры.

В Европе первенство в международных спасательных работах, безусловно, принадлежит французам. В их послужном списке сложнейшие спасательный акции. И не только в пограничной Испании. Всемирно известны поисково-спасательные работы в Польше, когда в сифоне одной из пещер исчез югославский легководолаз. Попытки поляков и югославов отыскать товарища закончились неудачей. И тогда были приглашены французы.

Потому что пока нет однозначного ответа – погиб, остается сумасшедшая надежда.

Как отказаться от спасательных работ, если ничего еще достоверно не известно? А вдруг потом выяснится, что все это время твой товарищ жил?

По невероятно счастливой случайности, вопреки всем правилам? Оказавшись в каком-нибудь воздушном пузыре за сифоном, в снежной пещерке с достатком воздуха и продуктов, в другой непредсказуемой ситуации?

Он ждал тебя, так как верил в правила Игры!

И... не дождался.

Не потому, что ты шел, рвался, но не смог.

А потому что, отступил, не испробовав все, до последнего шанса.

Еще одну впечатляющую спасательную операцию французские спасатели осуществили в Марокко. В одной из марокканских пещер девять спелеологов оказались блокированы внезапным паводком. Погода все ухудшалась, и мутные паводковые воды превратили низкий коридор пещеры в длинный сифон.

На зов помощи откликнулась Французская Федерация Спелеологии. (А мы? Кто бы разрешил нам лететь на помощь в Марокко? Если даже в Армению в страшном декабре

88-го мы вылетали трое суток, и прорвались на свой страх и риск только благодаря родственной протекции... Да и кто бы к нам обратился?)

Французы не мешкали ни секунды. Шестнадцать оснащенных современным снаряжением и оборудованием спасателей блестяще справились с задачей. На каждого спасаемого надевали акваланг, объясняли, как им пользоваться, и сопровождали через сифон к выходу.

По ходу дела французы успевали снимать видеофильм, который мне посчастливилось увидеть во Враце.

Под аккомпанемент грустных мыслей...

* * *

Жан вставляет следующую кассету. А это что?

На экране странный прибор, напоминающий торпеду...

Нет слов! Это миниатюрная подводная лодка для транспортировки тяжело пострадавшего через сифоны. Человек лежит в специальном металлическом цилиндре, куда подается воздух под атмосферным давлением, есть телефонная связь с внешним миром, обеспечена полная неподвижность поврежденных мест и возможный комфорт. На экране телевизора я вижу этот снаряд в действии. Не везде можно протащить эту торпеду, но, имея такой тыл, все-таки легче решиться на путь в глубину.

На что рассчитывали советские подводники, штурмуя подводные тоннели в глубочайших пещерах Евразии?

Ответ прост. Каждый из нас знал - рассчитывать можно только на себя и своих товарищей.

Мы - сами себе спасатели.

Таково, увы, главное правило игры в "советский" кейвинг.

И не только советский.

Оставалось надеяться, что пройдет время, и мы сможем войти на равных в международное сообщество.

Чтобы помогать другим.

Чтобы верить в помощь коллег.

Чтобы уважать себя, в конце концов.

Кейвинг - занятие оптимистов.

С угнетенной психикой под землей не место.

* * *

На Бзыби, над плато со странным названием Хуп-Хулцва, высится скромный памятник: два сложенных из дикого камня столба с металлической перекладиной. На перекладине висят над землей три серебристые пластины. Каждый год сюда приходят спелеологи. Кем-то из них повешен между пластинами пещерный "куриный бог" - кусок известняка с проточенным водой отверстием.

Ветер качает камень, задевает металл.

И плывет над плато, над всей Бзыбью, удивительно чистый звук.

Светлый, как память о друзьях.

Гибель Саши Морозова отдалась в наших сердцах отзвуком всех старых и недавних потерь.

Позднее, в мае 1985 года, на Всесоюзном слете туристов в прикарпатском городке Яремче родилась эта песня:

Так случилось, дружище, с судьбою не спорь,
Мы живем - значит, нам повезло.
Над Кавказом звенит наша память и боль
Всем смертям и лавинам назло.

Ты прости, что молчу я, струну теребя,
Трудно справиться что-то с собой.

Просто кто-то лавину сорвал на себя,
Ту, что нас ожидала с тобой.

Нет, неправда, что смерть только лучших берет -
Что в том смыслит грохочущий снег?
Просто тот, кто никчемно прожил, - тот уйдет,
А друзей не хватает втройне.

Что с тобою? Ты плачешь?
Нет, это не плач:
Майским снегом Бзыбь слепит глаза...
Я прошу, если худо, ты слезы не прячь
И не верь, хоть не верить нельзя.

Снег растает, сбежит, как морщинки с лица:
Не для нас протрубили отбой.
Та пещера, что ты не прошел до конца,
Где-то нас ожидает с тобой.

...Так случилось, дружище, с судьбою не спорь.
Мы живем - значит, нам повезло.
Над Кавказом звенит наша Память и Боль
Всем смертям и лавинам назло! (*187)

* * *

Звенит телефон.
- Слушаю.
- Шеф, привет! Мы вернулись.
- Саня? Ван? Ты, что ли? Когда приехали?
- Сегодня ночью. Осенняя - прелесть! Второй раз иду и все восхищаюсь. Особенно внизу, ниже лагеря - там такие каскады, вода! Все наши были на -500. Навеску SRT сделали. Вроде, неплохо. Первый раз все-таки!
- Ну, молодцы! Жду, жду! Это надо подробнее обсказать. Когда послеэкспедиционный банкет?
- Как полагается!
Кладу трубку. С хребта Алек вернулась экспедиция Саши Вана.
Первыми Осеннюю по одинарной веревке пробовали пройти поляки, в мае 1988-го. Мы же в это время, вместо того, чтобы наслаждаться международной экспедицией, работали на "спасах" в Ручейной, где сломал ступню новомосковский спелеотурист. Шли сплошные дожди, в пещерах было много воды, и поляки не пробились глубже зала Песен.
И вот теперь прошли наши, в январе, хоть и снегу по горло.
Приятно!

Звонит телефон.
- Привет, это Рудых. Я уезжаю на время из Москвы. На Алек. Что случилось? Сразу после ваших, в Осенней упал москвич. Из спелеосекции геолого-разведочного - МГРИ. По первым сведениям, делал навеску и... в общем, упал с 30-ти метров в зал Гномик, вместе с веревкой. Подробностей пока не знаю.
- Володя, кто упал? Я его знаю?
- Зеленин некто, из молодых.
- Живой?
- Не думаю. Жду вот звонка. Через два часа вылетаем на спасработы. Так что с делами придется повременить, пока. Извини.
- О чем ты... Удачи!

Я хорошо помню этот колодец. Спуск в грот Гномик на глубине -270 метров от входа в Осеннюю - это 33 метра вертикали.

Шансов практически нет.

А вдруг?

Вступая на подземную тропу, да не забудем правила Игры.

***186 В.Яковлев** "Спасать не обязаны..." "Собеседник" № 43, октябрь 1985г.
***187 К.Б.Серафимов** "Памяти Саши Морозова", Яремча, 1985г.

Константин Борисович Серафимов
"ЭКСПЕДИЦИЯ во МРАК"
www.sumgan.com